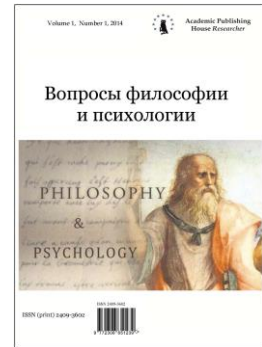

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 5, Is. 3, pp. 175-191, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.5.175
www.ejournal20.com

UDC 122/129

The Triune Nature of Truth, Good and Beauty in the Perspective of the Modern Evolutionary Holism*

Helena N. Knyazeva

National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Doctor of Philosophy, Professor

Abstract

An ancient philosophical problem of synthesis of the highest values of the human activities and cognition, namely of truth, good and beauty, is under consideration in the article. The problem was formulated by the philosophers of the classical period of the ancient Greek philosophy as a kalos kagathos. The modern approach for the solution of the problem is based on the ideas of evolutionary universalism and evolutionary holism. Data of the modern biological sciences and of some perspective fields of scientific research, such as bioepistemology, sociobiology and bioaesthetics are involved. The modern arguments in favor of the triune nature of truth, good and beauty as well as some difficulties which might be encountered on the way of synthesis are discussed as well.

Keywords: bioepistemology, bioaesthetics, truth, good, beauty, kalos kagathos, interdisciplinary synthesis of knowledge, sociobiology, evolutionary thinking, evolutionary holism, philosophical naturalism.

«Идеи, которые всегда сияли передо мной и наполняли меня радостью – это добро, красота и истина».
А. Эйнштейн

1. Калокагатия: нетленный идеал

Философы эпохи Древней Греции и Древнего Востока понимали человека в его неразрывном единстве с природой. Человек – это микрокосм, который следует законам и установлениям большого космоса, природы в ее гармонии и упорядоченности. Разум человека сопряжен с его телесностью, а природный космический закон – с этическими правилами поведения человека. Гармония природных стихий связана с уравновешенностью физиологических процессов в теле и душе человека, с его здоровьем, наблюдается сродство элементов тела человека с элементами (стихиями) природного космоса. Правильность и соразмерность структур и процессов в природе свидетельствует о красоте природы, во внутреннем, скрытом, сокровенном и во внешнем, явном, демонстративном, в малом и большом масштабах. Логос Гераклита – это космический закон и вместе тем закон жизни и практической деятельности человека. Собственно такой же взгляд развивался и Конфуцием

* The research are carried out with the support of the Russian Foundation of Basis Research (project N 13-06-00816 “Evolutionary thinking as a Basis of Interdisciplinary Synthesis of Knowledge”).

в Китае: нужно следовать велениям Неба, которые одновременно являются и природными, и этическими.

Согласно мировоззрению древнегреческих мудрецов, калогагатия (kalos kagathos) означала, что прекрасная душа обитает только в прекрасном теле. Любовь к мудрости и стремление к знанию реализуются, когда они соединены с физической культурой, занятиями гимнастикой, участием в спортивных состязаниях, с культивированием сильного тела, с заботой о своей телесности. Иметь атлетически развитое тело, но дурную душу – нехорошо, как и равным образом не приветствуется и вряд ли реализуемо иметь прекрасную, добрую душу, но вялое и ослабленное тело. Калокагатия, по Платону, – это нравственная красота, добродетель. Причем стоит обратить внимание, что эстетический и этический идеалы переплетены в самом этимологически исходном значении слова «калокагатия». **κάλος** – это красивый, прекрасный, изящный и вместе с тем благородный, славный, добродетельный, а **ἀγαθός** – это и искусный, умелый, отличившийся в чем-либо, и добрый, благородный, нравственно совершенный. **κᾶλο-κᾶγαθία** – нравственная чистота, безукоризненная честность, порядочность, благородство.

Истина, добро и красота происходят не от бога, от природы. Истина, согласно классической концепции Платона и Аристотеля, есть соответствие знания действительности, т.е. соотнесенность содержания чувств и ума с тем, что разыгрывается в самой природе. Доброта есть соответствие практического действия природному порядку (закону природы), т.е. она также онтологически укоренена. А красота – это, прежде всего, внутренняя красота самой природы, его гармония, соразмерность, подчиненность ритмам. Красота нередко скрыта от наших глаз, потаенна, ее нужно еще учиться видеть. По словам Конфуция, «всё имеет красоту, но не все ее видят».

Заметим, что сама природа понималась древнегреческими философами иначе, чем мы ее понимаем сегодня, на что обращает внимание Э. Морен. Природа – **φύσις** – это «место творения и организации», которое является «общим и для физической вселенной, и для жизни, и для человека» [1, с.51]. То есть природа – это не только замерзшие скалы и навеки прочно «подвешенные звезды» (fixe Sterne), но и сам человек в его жизни и познании. Природа, как и жизнь, непрерывно творит и организует саму себя, претерпевая трансформации. «Эта природа (physis) намного более обширна и богата, чем была прежняя материя; physis располагает отныне имманентным принципом трансформаций и организации» [1, с. 82], – поясняет Морен. Именно этом смысл природы как **φύσις** важен для развития современного натурализма. Как раз это смысловое содержание понятия природы стоит сегодня возродить.

Современные концепции натурализма в науке и философии возвращают античное, уходящее в истоки философских воззрений целостное видение высших ценностей науки и культуры – *триединство истины, добра и красоты*. Конечно, здесь не все однозначно, поскольку вопрос о ценностях всегда связан с особенностями личного выбора, национальными, этническими, культурными и т.п. предпочтениями. Но как некоторый тренд в рамках натуралистического направления проявляется именно сближение биоэпистемологии (эволюционной эпистемологии), биополитики (социобиологии) и биоэпистемологии. На передовом крае в научных исследованиях в XXI веке находятся науки о жизни (life sciences). Именно на фундаменте наук о жизни (биологических наук) намечаются соприкосновения биоэпистемологии, исследующей биологические корни познавательной и творческой деятельности человека и поиска *истины*, биополитики (или социобиологии), изучающей биологические предпосылки социального поведения человека (альтруизма, синергии, кооперации), в том числе его стремления к *добродетели*, и биоэстетики, стремящейся открыть биологические истоки *красоты*, ее укорененность в развитии живой природы.

Попробую обозначить мировоззренческие основания для этого сближения, как они видятся мне на сегодняшний день. Это, в первую очередь, *универсальный* (глобальный) *эволюционизм*, *холизм*, *эмерджентизм* и связь этих высших ценностей с *жизнью*, *экоперспектива*.

Фундамент современной концепции *универсального эволюционизма* составляют три теории, а именно: а) теория космической эволюции, Большого взрыва и расширяющейся

Вселенной, основу которой заложили А. Фридман и Г. Гамов, б) синтетическая теория биологической эволюции, представляющая собой синтез положений эволюционного учения Дарвина и генетики, и в) теория эволюции и самоорганизации сложных систем (теория сложности и нелинейная динамики), которую принято в России называть синергетикой. Процесс эволюции имеет сквозной характер. Эволюция проходит через все иерархические уровни организации мира и включает: космическую эволюцию, предбиологическую эволюцию, эволюцию живой природы, антропогенез, человеческую историю, сети интернета, виртуальные социальные сети в их различных функциях, Web 2.0 и т.д. Универсальные паттерны эволюции связывают друг с другом все уровни бытия, поскольку на разных уровнях наблюдается подобный рисунок событий, существует изоморфизм сложного поведения и образования структур. Человек есть продукт эволюционирующей природы, поэтому его порождения, творческие вспышки, креативные изобретения, поисковые усилия, создания им красивых вещей, творения духа носят печать его эволюционного происхождения.

Некоторые ученые подчеркивают, что сегодня «необходимо создание некоего *общего поля* эволюционистики (в том числе и за счет междисциплинарных исследований), в рамках которого будут проявляться и уточняться общее и особенное в эволюционных подходах, терминологии, принципах; проводиться кроссэволюционные исследования» [2, с. 9-10]. Современная теория сложных самоорганизующихся систем как раз и преследует своей целью охватить весь исторический ход эволюции с точки зрения лежащих в ее основе универсальных паттернов самоорганизации, перехода от хаоса к порядку и, наоборот, от порядка к беспорядку (дезорганизации), «ритмов жизни», т.е. циклов эволюции, феноменов эмерджентности, неожиданного рождения принципиально новых свойств, инновационных сдвигов и прорывов.

Универсальный эволюционизм зиждется на идее эволюции и предполагает развитие *эволюционного мышления* [3]. Эволюционное мышление проникает сегодня в самые разные области знания. Развивается эволюционная психология, эволюционная экономика, на эволюционных моделях сложных систем строится современное прогнозирование, исследования будущего (Futures Studies). По своим характеристикам эволюционное мышление является нелинейным, холистическим (целостным, интегративным) и сложным. Сама наша мысль должна быть достаточно сложная, чтобы постигнуть сложность этого мира. Также и с управлением: чтобы управлять сложной системой управляющее воздействие должно быть не менее сложным, чем сама система.

Именно эволюционный подход может дать любопытные, нетривиальные результаты для развития современного синтетического видения трех высших ценностей человеческого бытия – истины, добра и красоты. На главные вопросы, поставленные Кантом, можно отвечать с эволюционной точки зрения. «Что я могу знать?» - «Я могу знать то, что я приспособлен как мезокосмическое существо, но я могу и выходить за пределы мезокосма, используя искусственные приспособления, приборы и инструменты познания и создавая абстрактные теоретические модели. Кроме того, я знаю, что мое онтогенетически априорное знание является филогенетически апостериорным». «Что я должен делать?» - «Я буду больше уверен, что я должен творить добро, в том числе и потому, что я знаю, что альтруистическое поведение существует уже в живой природе, что я – продукт эволюции живой природы. Творя добро, я привожу в движение свои биологические корни, реализую свою биосоциальную сущность».

Вторая важная мировоззренческая ориентация, на основе которой возможно сближение истины, добра и красоты, - это *холизм*. Причем современный холизм базируется на идеях эволюционизма, т.е. становится эволюционным. Холизм может рассматриваться в онтологическом аспекте как целостность структур, формообразований в бытии, в эпистемологическом аспекте как интегральное, целостное видение сложных феноменов познания и творчества (восприятия и мышления, логики и интуиции, рационального и иррационального, анализа и синтеза и т.п.) и в методологическом аспекте (наведение мостов между естествознанием и социальными и гуманитарными науками [4], наукой и техникой /рождение феномена технаучки/, наукой и культурой, в том числе и конвергенция высших ценностей человеческого существования, являющаяся предметом рассмотрения в данной статье).

Идеи холизма можно усмотреть в философии Платона, который рассматривал весь космос как единое самоопределяющееся, использующее только свои собственные ресурсы целое. Это целое подобно живому существу, а ведь именно для жизни *par excellence* характерны способность самоподдержания целостности и самодостраивания, как сейчас бы сказали, ей присущи автопоэтические свойства. Согласно Платону, «живому существу, которое должно содержать в себе все живые существа, подобают такие очертания, которые содержат в себе все другие... [Тело космоса] было искусно устроено так, чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия в себе самом и через себя само» [5, с. 473].

Видный теоретик систем Э. Ласло в своей книге «Точка хаоса. Мир на перекрестках» рассматривает холизм как новую фундаментальную научную парадигму, определяющую методы и стратегии научных исследований. «Холизм присутствует сегодня не только как философия внутри общих рамок науки, если использовать выражение Смэтса [Ян Х. Смэтс – южно-африканский государственный деятель и философ, автор книги «Холизм и эволюция (1926) – пояснение мое Е.К.], но и как новая фундаментальная парадигма: основная отличительная черта самих научных теорий. Это продвигает новые науки значительно ближе к многообещающим субкультурам в обществе, конвергенция, которая тем более значительна, поскольку она прокладывает путь к цивилизации, в которой холистическое мышление охватывает все вещи в науке и обществе» [6, с. 80].

Синергетическая теория, как она развивалась мною совместно с С.П. Курдюмовым в 1990-ых и начале 2000-ых годов, укладывается в русло эволюционного холизма как мировоззрения и методологии. Ключевой при этом, как всегда подчеркивал Курдюмов, оказывается идея коэволюции, содержание которой отнюдь не ограничивается экологией как разделом биологического знания. Она гораздо шире и охватывает способы интеграции, нелинейного синтеза сложных систем. Биологи говорят о коэволюции живых организмов внутри биоценоза, определенного биологического сообщества, экологи – о коэволюции человека и природы в плане поддержания равновесия в экологической среде. В более общем и нетривиальном смысле можно говорить о коэволюции развивающихся в разном темпе и находящихся на разных стадиях развития, «разновозрастных» сложных систем. В этом плане коэволюция – это совместное и взаимосогласованное устойчивое развитие сложных систем и попадание их – в случае резонансного, правильного объединения – в один и тот же, единый темпомир. Идея коэволюции применительно к сложным самоорганизующимся системам была выдвинута С.П. Курдюмовым и развивалась в ряде наших совместных работ [7]. Вклад Курдюмова в развитие концепции эволюционного холизма глубокий междисциплинарный смысл идеи коэволюции были предметом рассмотрения в наших совместных с Е.С. Куркиной работах [8,9].

Третье мировоззренческое основание для представления в новом свете античного понятия калогакатии – это *эмерджентизм*. Наибольший интерес представляет прослеживание эволюции самоорганизующихся систем, поскольку она сопровождается неожиданными поворотами, непредвиденными событиями и появлением новизны. Самоорганизация в сложных системах всегда сопряжена с эмерджентностью, с появлением эмерджентных свойств у целого, а поэтому и у частей, становящихся частью целого. Эволюция является творческой (А.Бергсон), в ходе эволюции строятся целостности, обретающие эмерджентные качества. Эмерджентность – это несводимость, нередуцируемость свойств целого (системы) к свойствам частей (элементов или подсистем), а также несводимость более организованного к менее организованному, сложного к более простому, более высокого уровня иерархии к более низкому. Эволюция происходит скачками, на каждом витке эволюции появляются новые лидеры. Иначе говоря, в ходе эволюции имеют место фазовые переходы, эмерджентные трансформации, в которых творятся ранее неизвестные свойства. Существует и второй смысл эмерджентности. Это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества. Взаимная активность системы и среды и согласованное и взаимообусловленное возникновение новых свойств и в системе и в среде можно назвать ко-эмерджентностью. Один из наиболее известных создателей теории сложных адаптивных систем, профессор психологии и компьютерной науки Джон Г. Холланд предлагает назвать этот феномен взаимно отражающей эмерджентностью (*echoing emergence*), эффектом эхо в эмерджентности [10]. Истина, добро и красота как

высшие ценности (идеалы) человека – это продукты человеческого духа, отрывающегося от эволюционной определенности. Это эмерджентные сущности. Но поскольку сам человек является продуктом эволюции природы, то взгляд с позиции эволюционизма и эмерджентизма, как можно надеяться, по крайней мере, не повредит современному пониманию сближения истины, добра и красоты.

И, наконец, четвертая значимая мировоззренческая перспектива связана с категорией «жизни», которая напрямую соединена с категорией «познание». Согласно основателю эволюционной эпистемологии, прославленному этологу К. Лоренцу, жизнь и есть познание (Life is cognition, или *Leben ist Lernen*). Натуралистический взгляд не может обойтись без этой категории. Христипп, представитель раннего стоицизма, утверждал, что «жить сообразно природе» означает «жить прекрасно» и «жить хорошо». Порядок природы является мерилом прекрасной и добродетельной жизни. Жизнь по природе означает в то же время жить в согласии с окружающей средой, жить в своем мире, который конгруэнтен твоим телесным, деятельностным, познавательным возможностям, который выбран и построен тобой и, в свою очередь, выбирает и строит тебя. С позиции сегодняшнего дня, эту позицию можно назвать эко-перспектива или позицией телесного, ситуационного и знактивированного познания [11,12]. Когнитивный и одновременно жизненный процесс возникают «из нелинейной и циклической причинности непрерывных взаимодействий, охватывающих мозг, тело и окружающую среду» [13, с.10-11]. Человек с самыми высшими произведениями его духа – истиной, добром и красотой – встроен в природу, в определенную ситуацию, в свой мир – эйкумену, обусловленный его телесными, когнитивными, практическими возможностями. Воспаряя к высшим идеалам, он не лишается своей природной отягощенности. Природа держит его на привязи. Как сейчас говорят, ум жизненен, подобен жизни, его эйкумена, экологическая, когнитивная и социальная ниша встроены в большой космос и в большой социум и несут в себе природу этих целостностей.

2. Биоэпистемология: натуралистический подход к познанию и поиску истины

«Все люди от природы стремятся к знанию», - такими словами, как известно, Аристотель начинает свою «Метафизику». Знание – цель познания и жизни и самая высокая ценность. Согласно Сократу и Аристотелю, знание, что такое добро, ведет к тому, что человек творит добро. Это, конечно, далеко не всегда так, и является, по сути, благостным заблуждением всей обширной традиции просвещения. Но встают также вопросы о том, всякое ли научное знание истинно? И что есть истина с точки зрения эволюционной эпистемологии (или биоэпистемологии)? Как эволюционная эпистемология относится к трем известным концепциям истины?

С точки зрения эволюционной эпистемологии, отнюдь не все теории в истории развития науки, которые безоговорочно принято считать ложными, действительно являются таковыми. Одним из примеров служит система мира Птолемея, которая базировалась на исходно ложной геоцентрической посылке, но хорошо описывала видимое движение Солнца по небесной сфере, и поэтому тысячелетиями служила в качестве основы навигации в мореплавании. Это была система знания, внутри себя обоснованная и взаимосвязанная, включающая в себя сложную систему циклов и гиперциклов движения планет, некоторые элементы которой переняли создатели гелиоцентрической системы как части классической науки Нового времени – Н. Коперник и И. Кеплер. Другим примером, еще более характерным с точки зрения эволюционной эпистемологии, является физика Аристотеля, которая была усовершенствована в Средние века Ж. Буриданом как теория импетуса. В рамках эволюционной эпистемологии (Г. Фольмер) сегодня обосновано, что это правильная мезокосмическая физика, которая встроена в наш разум как обитателей мира средних размерностей, и даже ученые мужи или получившие хорошее естественнонаучное образование студенты, выходя за стены своих лабораторий и аудиторий, стихийно мыслят по-аристотелевски, т.е. предполагают, что в земных условиях трения и прочих факторов рассеяния энергии материальные тела движутся, пока не исчерпается приданный им импульс.

Физика Аристотеля и развитие на ее основе учение о движении позднего средневековья, теория импетуса, — это исторический феномен научной теории, который имеет мезокосмическое оправдание. Это хорошая формулировка физических представлений, которые мы интуитивно используем в нашем повседневном опыте, по сути, истинная мезокосмическая физика [14, с.199-200]. Наши иллюзии восприятия, интуитивные ошибочные суждения, ожидания мезокосмически запрограммированы.

В классической эволюционной эпистемологии господствовал адапционистский взгляд на истину и истинное знание, которые не совпадали ни с классическим пониманием (истины как соответствие действительности), ни с ее прагматическим пониманием (истина как польза). К. Лоренц и его последователи (Р. Ридль, Э. Эзер, Г. Фолльмер и др.) исходили из предположения, что все организмы пришли к согласованию с внешней средой, обрабатывая информацию о ней с помощью своего когнитивного аппарата и вырабатывая адапционно ценные приспособления, обеспечивающие их выживание.

Во-первых, предполагается, что имеет место *адаптация*, подгонка, приспособление живого организма к среде. Во-вторых, предполагается, что мозг есть система, обрабатывающая информацию, и тело тоже активно, оно, движимое нервными импульсами, вырабатывает моторные реакции, дающие ему возможность надлежащим образом встраиваться в среду. По Эзеру, наука тоже есть информационный процесс, процесс приобретения информации, ее самокорректировки, самодооформления, взаимного согласования и развития когнитивных систем. В-третьих, предполагается, что обрабатываемая информация, вырабатываемые приспособления, получаемое знание, создаваемые ментальные репрезентации соответствуют реальности, ей адекватны. Замечу, что адаптация не есть просто польза или выгода, а взаимное приспособление организма и среды, а соответствие не есть отражение, а конструктивная двигательная реакция, обеспечивающее выживание живого организма.

Сама жизнь есть познание: живые организмы действуют и собирают информацию о внешнем мире, значимую для их выживания. Иерархия способов переработки информации определяется иерархией когнитивных аппаратов в мире живых существ. Лоренц писал: «Жизнь как таковая в одном из своих существенных аспектов представляет собой когнитивный процесс. Жизнь обрела существование с «изобретением» структуры, способной собирать и сохранять информацию, одновременно извлекая из окружающего мира и накапливая энергию, достаточную для поддержания светоча познания. Внезапное творение такого когнитивного аппарата образовало первый великий водораздел в бытии» [15, с.282].

То, что человеческий ум не дает зеркального отражения мира, показал еще Фрэнсис Бэкон. Критика им идолов (предрассудков) человеческого разума, а также его представление о трех путях познания (стремление найти оптимальный путь, соединяющий эмпирический опыт и его необходимую рационализацию) не потеряли актуальности и для современной эпистемологии. Идолы рода — это фактически то, в человеческой природе, в каждом из нас как представителе вида *Homo sapiens*, что обусловлено определенной нашей телесной организацией, эволюционно выработанным приспособлением к миру средних измерений, к так называемому мезокосму, о чем говорят эволюционные эпистемологи Ридль, Г. Фолльмер, Э. Эзер), а до них говорил еще один из создателей теоретической биологии и общей теории систем Л. фон Бергаланфи.

В рамках самой эволюционной эпистемологии появляется понимание, что знание не является адекватной копией реальности, но оно является когерентным, т.е. согласованным с окружающей средой, чтобы обеспечить выживание живого организма. Знание есть, скорее, *конструкция*, которая дает возможность правильно среагировать на опасность или, напротив, на нечто привлекательное, чтобы выжить. Живые организмы не строят точное изображение реальности, и картина, которую они строят «там, внутри», не соответствует в точности тому, что есть «там, вне». То, что им необходимо, это — «адекватная схема реальности», как ее называет Э. Эзер [16], т.е. правильная реакция, обеспечивающая выживание. Ф. Вукетич приводит для разъяснения такой пример: «Чувствует ли антилопа льва в «истинном смысле» как льва, не имеет значение; на самом деле имеет значение лишь то, способна ли антилопа понять, что животное, которое она чувствует, — животное, которое мы

называем «львом» и которое мы по-своему воспринимаем, – опасно, и адекватно среагировать, т.е. спастись бегством, попытаться от него убежать» [17, с.286].

Всякий живой организм строит свою истинную картину реальности и встраивается в определенную нишу, называемую в эволюционной биологии, экологической нишей, а в познавательном плане – когнитивную нишу. Популяции живут в специфических условиях соответствующих когнитивных ниш, в которых они претерпевали эволюцию и к которым приспособлены. Когнитивные ниши у разных живых организмов – разные, т.е. разные организмы живут в разных когнитивных мирах. Мир собаки – это мир обоняния, мир запахов; мир летучей мыши – слуховой мир, причем она воспринимает и обрабатывает гораздо большую полосу в спектре звуковых волн, чем человек; мир человека – это, прежде всего, видимый, визуальный мир. Возможности переработки человеком визуальной информации значительно превышают иные его возможности, каналы восприятия и переработки информации о внешнем мире.

Когнитивный аппарат человека, называемый эволюционными эпистемологами вслед за Э. Брунsvиком рациоморфным, т.е. функционирующем на предсознательном уровне, способен воспринимать только один, относительно малый фрагмент реальности. В 1975 году Г. Фолльмер ввел в оборот термин «мезокосм» (“mesocosm”), чтобы охарактеризовать особую когнитивную нишу человека, т.е. тот фрагмент мира, которым овладевает человек, познавая, а значит реконструируя и идентифицируя его, но не применяя при этом искусственных вспомогательных средств. Мы, люди, живем в мире средних измерений (или размерностей), к которому мы эволюционно адаптировались. Это тот фрагмент реальности, который может быть измерен в метрах, годах и килограммах. Мезокосм простирается от миллиметров до километров, от субъективного кванта времени (1/16 сек) до годов, от граммов до тонн, от состояния покоя до примерно скорости спринтера, от равномерного движения до ускорения Земли или спринтера, от точки замерзания до точки кипения воды и т.д. Короче говоря, это мир нашей повседневной реальности. Никто не может визуализировать (реально увидеть невооруженным глазом) атом, непосредственно представить себе период в миллиард лет, своим нутром ощутить скорость света или же воспринять другие микроскопические или же макроскопические феномены. В ходе эволюции у нас не развились органы для восприятия таких аспектов реальности. Видимая человеком часть спектра излучения – это всего лишь его тонкий срез или его узкая полоса. Мезокосмически определенные способности визуального восприятия человека включают свет, однако исключают рентгеновское и радиоизлучение. Электрические и магнитные поля относятся к когнитивной нише некоторых животных, но не к когнитивной нише человека.

В теории биологической эволюции центральное место занимает представление об *адаптации*. Считается, что в ходе эволюции организмы оптимально приспособились к окружающему миру, а одни биологические виды к другим, так что каждый вид занял определенную, подходящую ему экологическую нишу, а все экологические ниши подогнаны друг к другу в царстве живой природы. Причем имеет место не предустановленная гармония природы, как это полагал Г. Лейбниц, а пост-установленная гармония, сложившаяся в ходе эволюции живой природы.

Современным представлениям биоэпистемологии наиболее адекватен *взгляд активной адаптации* на жизнь и поведение живых существ и на застройку ими пространства коэволюционными нишами. Всякое живое существо является активной и саморегулирующейся системой. Оно не абсолютно прозрачно и не абсолютно пластично к любым изменениям окружающей его среды, как считали первые эволюционисты, в том числе Г. Спенсер. Не только его отбирает среда (внешний отбор), но и он отбирает, избирает, строит свою среду (внутренний отбор), свой мир как *Umwelt* (его жизненный феноменальный мир, соответствующий его способностям восприятия и психомоторного действия – понятие, введенное Я. фон Иксюлем) [18]. Познание есть не только реакция на внешний стимул, но и действие живого существа. Организм не просто реконструирует то, что «там вовне», а конструирует свое собственное видение объектов внешнего мира и строит свои собственные активные действия с ними в соответствии с тем, что он имеет «здесь внутри». Среда, в которой существует организм как сложная система, возникает вместе с ним, и все, что применимо к организму, применимо и к более или менее широкому его

окружению, ибо имеет место сродство сложной системы и ее среды, их структурное сопряжение.

Это видение соответствует современной парадигме коэволюции сложных систем, активного движения по коэволюционным ландшафтам. Когнитивный агент и среда его активности, воспринимающий организм и воспринимаемый им окружающий мир соединены общей историей, самым ходом эволюции. Не только организм (когнитивный агент) адаптируется к миру, но и мир – к организму. Это – пан-адаптационизм, в котором петли адаптации идут как от организмов к среде, так и наоборот от среды к организмам. И все с другими как-то уживаются, согласно известной формуле А. Швейцера: «Я - Жизнь, желающая жить среди Жизни, желающей жить».

Признание того, что истинное знание есть результат активной адаптации к миру, не означает, что знание есть результат произвольного конструирования мира. Знание – форма приспособления живого организма к окружающему миру, выработанная долгим эволюционным путем. Онтогенетически априорные категории являются филогенетически апостериорными, т.е. выработанными у живого организма, в том числе и человеке, в ходе его эволюции. В самих когнитивных механизмах живых существ заложен вектор на максимально возможную очищенность результатов восприятия от привнесенных, в том числе и конкретно-телесных факторов, а сознания – от произвольных, субъективных его конструкторов. Этот важный феномен подробно разобрал К. Лоренц, назвав его объективацией. Возможность объективации – это выход из бесконечного круга рекурсии и взаимной детерминации «субъект-объект». Это биоэпистемологическая основа корреспондентности истины, соответствия истинного знания объекту. Наглядный пример, который он приводит, касается тех же цветков с нектаром. Ведь для того, чтобы высмотреть свою маленькую «посадочную площадку» при каком-нибудь чрезвычайно красочном закате или в хаосе цветных бликов под буйной сенью окружающих растений, пчеле нужно выделить исходный, нужный ей цвет, что она и делает с помощью сложного зрительного механизма.

Природа как рожденная (physis) пребывает в процессе становления. Пытаясь проникнуть в природное бытие, человек со своим сознанием вносит в него необратимые и неизбежные изменения, как это показано в неклассической науке, в квантовой механике в первой трети XX века, а далее, в последние десятилетия XX века - и в нелинейной динамике и теории сложных систем. Человек становится соучастником процесса рождения природы, процесса становления в ней. Становление природного бытия и становление человека и конструкторов его сознания – эти два процесса сопряжены. Человек творит самого себя через мир, через его деятельность в мире. Человек и мир, субъект и объект познания находятся в процессе коэволюции.

Самой главной загадкой А. Эйнштейн называл саму возможность познания мира человеком, то, что мир познаваем. Возможность познания и достижения истины как идеала, по-видимому, обусловлены тем, что человек и мир как сложные структуры имеют эволюционное сродство и коэволюционируют. Процесс адаптации человека к миру, делающий возможным достижение истины, подобен взбиранию человека на гору, когда он достигает все более высоких пиков коэволюционного ландшафта, осуществляя свою «подгонку» к миру. *Адаптация активна*: человек прошупывает, зондирует, испытывает мир и ждет от него отклика. В процессе своего активного исследования мира, он совершенствуется сам, строит сам себя. Коэволюция на биологическом уровне связана с образованием экологических ниш, а на уровне человеческого познания и деятельности – с образованием «когнитивных ниш», укладывающихся в когнитивные ландшафты.

3. Эволюционная психология и социобиология: укорененность этических структур в животном мире

Многие современные специалисты по социальной философии и этике полагают, что подлинная социальность и тем более этическое поведение присуще сугубо человеческим сообществам и говорить о добре и зле применительно к царству животных неправомерно. Современная социобиология, основателем которой считается американский биолог Э. Уилсон, который ввел в научный оборот в 1946 г. сам термин «социобиология» и опубликовал ставший классическим труд «Социобиология. Новый синтез» (1975), стоит на

иной позиции. Позиция социобиологии имеет в качестве своего метафизического основания философию натурализма. Натурализм в эпистемологии привел к развитию эволюционной эпистемологии (*epistemology naturalized*), и тот же натурализм служит фундаментом для развития социобиологии (биополитики). Согласно Уилсону, социобиология представляет собой научное и систематическое изучение всех форм социального поведения. Социобиология привлекает все современные достижения наук о жизни (*life sciences*), от генетики до нейрофизиологии, от этологии до приматологии, для а) понимания социального поведения человека и его базисных форм в животном мире и б) выявления укорененности этических норм в животном мире.

Но первым, кто сделал решающий вклад в развитие эволюционной психологии, был Ч. Дарвин. Он показал, что, несмотря на огромные различия между человеческой душой и психикой высших животных, эти различия лишь в степени, а не в принципе. Дарвин, как известно, был градуалистом в понимании эволюции, т.е. понимал изменения в ее ходе как постепенные, шаг за шагом. Как отмечает Ф. Вукетич, «человеческий дух – а также все, что под ним понимается (рациональное мышление, язык и т.д.) – не «свалился на человека с неба», а развился постепенно в ходе эволюции из определенных способностей других живых существ» [19, с.108]. Пытаясь обнаружить основания высших, в том числе и моральных ценностей, в мире животных, Дарвин искал пропущенное звено между человеком и животным и пришел к выводу, что существует не одно животное, а миллионы различных животных видов, приведших в итоге к человеку. Да и сам человек есть животное, но со свойствами, которые в меньшей мере представлены у животных видов. А эволюция протекала как длительный, запутанный и сложный процесс, в котором трудно проследить связи между отдельными видами [19, с.100]. Основное, в чем можно усмотреть корни социального поведения животных, это *социальный инстинкт у животных*. Социальный инстинкт животных «велит» им размножаться как можно больше, но стратегия размножения сталкивается со стратегией защиты потомства и заботы о нем: плоды столько отпрысков, чтобы они были сыты и надежно защищены.

Как отмечает Л. Арнхарт, дарвинизм хорош тем, что в нем отстаивается природное, биологическое происхождение морального чувства. Испытывая изумление перед сложным и замысловатым порядком форм живой природы, дарвинизм объясняет его не как «интеллигентный дизайн», а как «эмержентный продукт эволюционной драмы» [20, с.78]. Становление морального чувства в процессе становления человека из дочеловеческих предков прошло, по его мнению, четыре взаимосвязанные стадии: 1) «социальные инстинкты, которые, судя по всему, привели к возникновению у предков человека разумного чувства симпатии к другим членам в их группе, что способствовало формированию тенденции оказывать взаимную помощь», 2) обретение языка, что дало возможность выражать социальное мнение о добре и зле, 3) «способность к привычке, что способствовало тому, чтобы поведение индивида соответствовало социальным мнениям через приобретенные нравы», 4) наконец, в своей работе 1871 «Происхождение человека и половой отбор» сам Дарвин отмечал, что моральное чувство стало выражаться сначала случайным образом в фундаментальных принципах, таких, в частности, как золотое правило «Поступай по отношению к другим так, как они поступают по отношению к тебе» [20, с.86-87].

Кооперация становится в животном мире стратегией выживания. Африканские слоны объединяются в стада до 20 животных, где вожаком является определенная слониха (матриархат). Гибель слонихи-вожака нередко ведет к распаду стада. Обезьяны объединяются в определенные группы, что увеличивает их шансы выживания, так как они участвуют дележе добычи и более эффективно защищаются от многих опасностей). Социобиологи называют это эусоциальностью общественных животных. Совместный образ жизни приносит некоторые выгоды: помощь внутри, по крайней мере, двух поколений, совместное выращивание потомства, дифференциация социальных функций и т.п. Социобиологи говорят при этом о взаимном альтруизме (взаимной поддержке). То, что характерно для мира человека и было развито в дальнейшем как золотое правило нравственности, находит примитивные аналоги в животном мире, типа: «Рука руку моет», «Почеши мне мою спину, и я почешу твою» (груминг у обезьян), «Что ты мне, то и я тебе» [21, с.59-60].

В животном мире конкуренция и кооперация, элементы альтруизма и агрессии сбалансированы так, что главное направление естественного отбора – это конкуренция особей внутри вида, а не между видами. Причем внутривидовая борьба в мире животных далеко не всегда приводит к кровавым результатам. Собаки или волки, раз подравшись и померившись силой, как правило (если это не специально выведенные бойцовые собаки), не убивают друг друга, а устанавливают иерархии в стае, человек же до сих пор ведет многочисленные войны в разных уголках планеты с летальным оружием и убивает себе подобных. К. Лоренц в своей книге «Так называемое зло. К естественной истории агрессии» показал, что эволюционный путь человека был слишком коротким по сравнению с другими животными, поэтому он не успел преодолеть в себе агрессию, ведущую к кровавым столкновениям и даже геноциду, сначала ради утверждения своей религии, теперь целями геополитического экспансионизма.

Эволюционно-психологический и социобиологический взгляд на истоки социальности и зачатки нравственности в мире живой природе базируется, прежде всего на понятиях, *синергии, кооперации, альтруизма, взаимной адаптации и самовоспроизведения*. Сложные структуры в живой природе демонстрируют феномен синергии. Синергия – это эффект холизма, когерентности, кооперативных эффектов, когда целое больше суммы частей, когда коммуникативная система порождает то, что иначе не возникнет у каждого из элементов. Кооперация означает достижение результата выживания меньшими усилиями. Небезынтересно, что синергия возникает уже на уровне простейших организмов. Микробу «выгодно» быть членом микробной колонии. В микробной колонии или биопленке индивидуальные клетки наслаждаются «выгодами социального образа жизни», такими, как повышенная устойчивость к антибактериальным агентам (щелочь, хлорамин) и более эффективное использование питательных ресурсов[22].

Ссылаясь на П. Корнинга, А.В. Олескин разъясняет смысл синергии для биосоциальных систем. Это, во-первых, «*синергия масштаба* (польза от увеличения размеров системы); например, “большая коалиция львов-самцов может более успешно овладеть группой самок... большая группа шимпанзе обычно более успешно охотится” (Корнинг); во-вторых, *модификация окружающей среды* (пингвины в Антарктиде тесно прижимаются друг к другу и создают вокруг себя зону с достаточно высокой температурой); в-третьих, *распределение издержек и риска* (летучие мыши-вампиры делятся проглоченной кровью с менее удачливыми товарищами по колонии, снижая для них риск голодной смерти); в-четвертых, *обмен информацией (коммуникация)*; в-пятых, *комбинирование или разделение функций* (пример: гетероцисты у цианобактерий фиксируют азот, остальные клетки осуществляют полный фотосинтез)» [23, с.73].

Синергии, возникающие в мире живой природы, находят существенное дальнейшее развитие в человеческих обществах и, как показала известный антрополог Р. Бенедикт (1887-1948) в своей работе “*Patterns of Culture*”(1934), к особым формам социального холизма, когда эгоистические действия индивида работают на социальный альтруизм и способствует развитию социального целого. Для понимания этого феномена она ввела специальный термин «синергизм». Синергизм определяется через «социально-институциональные условия, способствующие слиянию эгоизма и альтруизма таким образом, что когда я преследую свои “эгоистические” цели, я автоматически помогаю другим, а когда я стараюсь быть альтруистическим, меня неминуемо ждет поощрение, - словом, когда преодолевается и разрешается дихотомия, противоречие между эгоизмом и альтруизмом» [24, с.152].

Элементы альтруизма можно усмотреть в некоторых сетевых структурах в животном мире, где есть взаимная поддержка и аффилиация. Образец аффилиации – отношение матери к своему потомству, которое иногда в некоторой степени распространяется внутри стаи, стада, сообщества животных, когда одна особь поддерживает другую как своего брата или иного близкого родственника.

В ходе эволюции происходила адаптация биологических видов друг к другу, она носила активный и взаимный характер. В сложившихся биоценозах сложилось так, что каждый живой организм «раскраивает мир» по-своему. Он выбирает, черпает из огромного резервуара возможностей мира то, что отвечает его способностям познания (способностям мышления и/или восприятия). Каждый живой организм выбирает из этого мира свои

сигналы, свои смыслы, которые работая на его «выживание», строят и поддерживают природное целое. В ходе исторического процесса эволюции жизни происходит взаимное приспособление познающих живых организмов и среды их обитания, во всяком случае ее органической части. Поэтому эволюцию с полным правом можно называть *коэволюцией* (иное название активной взаимной адаптации). Так, например, известно, что зрение медоносных пчел смещено к ультрафиолетовой части спектра, чтобы лучше видеть цветки с нектаром, которые есть для них фрагмент среды. Но и цветки прошли в ходе эволюции свою часть пути. Естественным образом отбирались растения с цветками, наиболее заметными для пчел, поскольку те, унося пыльцу на своих ножках, расширяли ареал таких растений.

4. Эволюционная эстетика, или Почему у петуха яркие перья

Биоэстетику можно рассматривать как еще одну область приложения философского натурализма. В отношении красоты и прекрасного как эстетических ценностей человека с позиции натурализма можно сделать нетривиальные и несколько шокирующие выводы, хотя они могут считаться более дискуссионными, чем выводы биоэпистемологии о природе истины и выводы социобиологии о природе доброты.

Прежде всего, стоит обратить внимание, что эстетика как раздел философского знания и эстетическое как основная категория эстетики культурно исторически и этимологически происходят от особенностей чувственного восприятия человеком мира. Категория «эстетическое» от греч.: *αἰσθάνομαι*, означающего «ощущать», «воспринимать», «чувствовать».

Восприятие, как понимается эта когнитивная способность в эпистемологии и в современной концепции телесно ориентированного и энактивного познания (*embodied and enactive cognition*), является активным, телесно обусловленным, связанным с действием и встроенным в жизнь [25, 26]. Значит и восприятие, понимание и творение красоты, основанные на чувствах, тоже встроены в жизнь, в природу, в космос, в естественные события или артефакты культуры. Значимые для нынешнего понимания природы восприятия взгляды были развиты А. Бергсоном. Он считал, что *воспринимать – значит различать*, видеть и отбирать смыслы в окружающем мире. Если в неживой природе всё воспринимает всё (камешек на морском берегу подвержен всем волнам и ветрам), животное уже отбирает значимые сигналы и строит свою среду, свой *Umwelt*, то человек наиболее искусен в фильтрации информации, в отборе значимого и незначимого, имеющего для него смысл и лишённого смысла, причем развитие личности ведет к росту степени избирательности. По Бергсону, «наше тело представляет собой инструмент действия и только действия» [27, с.301]. С его точки зрения восприятие снимает противоположность субъекта и объекта, души и тела, сознания и материи. «Субъект и объект соединяются в экстенсивном восприятии» [27, с.201]. «Сознание и материя, душа и тело в восприятии, таким образом, соприкасаются» [27, с.298].

Чувство красоты рождается от того, что сам человек есть часть и продукт природного целого, упорядоченного и гармоничного космоса. Так считали и древние греки, и древние индийцы, и великие мастера поэтического слова. «Прекрасное, - говорит Гёте, - манифестация сокровенных законов природы; без его возникновения они навсегда оставались бы сокрытыми» [28, с.427]. Смысл в том, что человек – лишь обнаруживатель прекрасного, которое явно или сокрыто уже содержится в природе. В своей жизни и деятельности мы вторим, подражаем красоте природы. «Приглядитесь к красоте жизни. Посмотрите на звезды, и вы увидите себя, бегущим вместе с ними», - советует нам Марк Аврелий, который учил нас, что жить сообразно устройству и красоте природы – значит жить добродетельно.

Истоки прекрасного следует искать в красоте природного, космического начала. Я не могу не согласиться с А.Н. Липовым, который отмечает: «Космос как определенный миропорядок осуществлял себя через красоту, симметрию, добро, истину. Прекрасное в греческой философии рассматривалось как некое объективное начало, присущее Космосу, а сам Космос представлял собой воплощение стройности, красоты и гармонии частей» [29, с.84].

Натуралистическое видение мира ведет к новому пониманию природы человека как продукта целостного автопоэтического эволюционного процесса и творца высших духовных ценностей, которые не могут не быть укорененными в природе. Х.В. Ингензип выделяет пять основных тезисов такого натуралистического и одновременно холистического видения, которые я излагаю в своем переводе и со своими комментариями:

1. Мы, люди, не от природы, мы и есть природа. Я не просто имею тело, но я и есть одухотворенное тело или отелесненный дух.

2. Не мы делаем историю, а история делает нас. Как люди мы строимся через что-то, а именно через историю.

3. История человечества есть история поиска его идентичности. Человек есть *animal rationale*.

4. Индивид находится в поиске смысла природного целого. Вопрос о *смысле* тоже укоренен в природе (биосемиотика) и связан со способностью *выбора* вещей действий по критериям истины, добра и красоты.

5. Природное целое не познаваемо, нам не предоставлено и не представимо – однако это плодотворное понятие. К природному целому мы полдбираемся только через высшие способности человеческого духа [30, с.321-322].

Каковы природные истоки красоты? Насколько красота укоренена в живой природе? Эти вопросы не часто ставятся специалистами по эстетике, но поискать ответы на них с позиции натурализма, на мой взгляд, правомерно и небезынтересно.

А.Н. Липов, пытаясь продвинуться в понимании биоэстетики, пишет: «Живое царство по преимуществу устроено целесообразно и красиво» [31, с.209]. Красота в природе связана с целесообразностью, с принципом финальности и понятием энтелехии Аристотеля, а выражаясь языком современной науке с экстремальными принципами и принципами наименьшего действия, на которых строится природная организация. Всё в природе устроено оптимально. По словам Аристотеля, «природа ничего не делает напрасно».

Целесообразность как стремление к цели сопряжено с достижением целостности, процессами самоорганизации и самодотраивания структур. Шар как форма небесных тел оптимальна, поскольку обеспечивает «упаковку» наибольшей массы в наименьше объеме. Правильные шестигранные ячейки типа пчелиных сот, например конвективные ячейки Бенара, – это парадигмальные структуры самоорганизации, которые наиболее устойчивы, связаны с достижением минимума потенциальной энергии, поэтому наиболее оптимальны. Многие структуры живой природы (например, формы крыльев бабочек), подчиняются открытому Пифагором принципу золотого сечения. Крыса находит кратчайший путь из лабиринта. Человек, как считал Аристотель, создан для счастья и удовлетворения своих потребностей (этика эвдемонизма).

Итак, красота целесообразна и демонстрирует себя в оптимальных формах организации в неживой и неживой природе. Кроме того, красота *жизненна*, витальна и служит сохранению молодости, телесных и духовных сил человека. «Молодость счастлива, поскольку она обладает способностью видеть красоту. Любой, кто сохраняет в себе способность видеть красоту, никогда не постареет», - писал Франц Кафка.

Красота связана с *активной адаптацией и размножением* в живой природе, хотя нередко перешагивает через пределы чисто адаптационных приспособлений живых организмов. Петух имеет красивые перья, чтобы «понравиться» курице, привлечь ее, которая несет яйца, из которых вылупляются цыплята, чтобы продолжать дальше куриный род. «Стремление привлекать самку красотой своих форм биологи обнаруживают у самых разных видов животных. Так, самцы у бабочек имеют обычно яркую, разнообразную и блестящую окраску верхней части крыльев, в то время как самки окрашены более бледно и монотонно. В то же время нижние поверхности крыльев самцов имеют защитную окраску. Поэтому, когда самцы сидят, сложив крылья, они незаметны для хищников, в полете же демонстрируют самкам красоту своих крыльев» [31, с.211]. Не только красота внешнего вида животной особи (особенно самцов), но и пенье птиц, особые брачные обряды, своего рода танцы являются эстетическими средствами увеличения привлекательности живых организмов, служащих прогрессу видов, а значит работающих на успех эволюции живой природы.

Как уже отмечалось выше, первоначально красота была связана с чувством восприятия и вообще с чувственностью, а именно с чувством радости, удовольствия, здоровья, а также и с извлечением практической пользы или выгоды. На это обращает внимание и А.Н. Липов: «Красота изначально означала конкретные, позитивные и предпочтительные свойства предметов, которые человек и животные использовали при удовлетворении своих потребностей с целью получения максимальной выгоды и удовольствия. Лишь много позже эти свойства стали важнейшей частью эстетической оценки» [31, с.209]. Эволюционный подход к пониманию красоты заключается не только в том, чтобы раскрыть ее укорененность в природе и жизни, связь эстетического вкуса с чувством витальности, но и в том, чтобы выявить природу красоты как эмерджентного феномена, возникшего в ходе эволюции. Эмерджентность означает отрыв от эволюционной определенности, выход за пределы чистого приспособления, определенный риск, который проявляется в яркой окраске и активном поведении самцов, что делает их более уязвимыми в их биологическом окружении, но и более привлекательными для самок. Наилучшим образом это выразил Кант, подчеркнув, что красота – это предмет незаинтересованного любования. Восприятие красоты – это свободное чувства, лишённое практического интереса и практической выгоды.

С одной стороны, красота жизненна, и потому не всегда совершенна. По словам Э. По, «нет совершенной красоты ... без некоторой странности в пропорциях». С точки зрения современной теории сложных систем красоту можно охарактеризовать как некий промежуточный феномен между хаосом и порядком. Прекрасными картина или скульптура мастера становятся потому, что в них есть не полная симметрия, но некоторое, хотя бы незначительное, ее нарушение. Именно такие незаметные отклонения от симметричного порядка были обнаружены в работах А. Дюрера, одного из первых мастеров автопортрета. Это и делает его картины жизненными и одновременно шедеврами искусства.

Красота – это нечто более сложное и изощренное в рассматриваемом здесь триединстве. Именно с красотой связаны известные контраргументы для желаемого, но труднодостижимого триединства. Красота может служить лишь дополнительным, но не основным критерием истины. Р. Фейнман выразил общее понимание мира ученых-физиков и математиков, однажды сказав, что «истина распознается через красоту». Да, распознается, но удостоверяется соответствием с действительностью или же просто тем, что знание работает, приносит практическую пользу. Красота, по меньшей мере в человеческом мире, может быть жестока и губительна. Добрый и справедливый поступок красив, а красота сама по себе не всегда означает доброту. В высших проявлениях человеческого духа красота может стать испепеляющей. Ю. Мисима, который описал особенности самурайской этики, сопряженной со специфическими эстетическими приготовлениями, подчеркнул: «Подлинная красота – это та, что атакует, подавляет, лишает и, в конечном счете, разрушает». Но все же с точки зрения универсального эволюционизма я хочу еще раз подчеркнуть, что сложный феномен красоты связан с жизнью и жизненностью, оптимальностью структур живого, самоорганизацией и самодотраиванием, активной адаптацией и повышением привлекательности для пролиферации своего биологического рода, с поддержанием доли порядка и доли хаоса в формообразованиях и структурах. Красота – это непростой и обоюдоострый поводырь жизни.

5. Эволюционные основания сближения истины, добра и красоты

Становящийся заметным современным тренд в развитии знания и ценностей культуры – это возвращение к целостности, во многом утраченной со времен античности. В перспективе современного универсального эволюционизма и философского натурализма можно, пожалуй, выделить несколько концептуальных позиций, на основе которых возможно сближение истины, добра и красоты, развитие отвечающего уровню сегодняшнего дня видения калокагатии:

1) Прежде всего, это *активная адаптация* в мире живой природы, дизайн и конструирование, осуществляющееся не по божественным установлениям, а по законам природы. Сама природа конструирует оптимально организованные и оптимально функционирующие формы, это выглядит как природная манифестация принципа энтелехии и финальной причинности Аристотеля.

2) *Порядок и хаос* в природе дополняют и взаимно проникают друг в друга, в структурах неживой и живой природы соблюдается необходимый *баланс доли порядка и доли хаоса*. Сложные структуры балансируют на краю хаоса. Истина есть некий порядок в знании. Истина добывается не только рациональными, но и внерациональными, интуитивными средствами, а интуиция есть способ самодотраивания визуальных и ментальных образов. Красота тоже есть феномен, который допускает в себе элементы нарушения симметрии, беспорядка, дезорганизации, это и делает ее подлинной красотой.

3) Структуры неживого и живого устроены *оптимально*, как будто сама природа находится в *поисках совершенства*. Телеология (квази целесообразность) в мире природы связана с холизмом. Цель достигается, когда построена целостность. Завершена научная концепция, построена научная теория, т.е. обоснована истина. Достигнута целостность добродетельной, справедливой и честной личности. Или завершен эстетический образ, неполнота или лишение – это признак недостатка красоты. Надкушенное яблоко или слива становятся некрасивыми.

4) То, что является фактором построения сложных и оптимальных структур в природе, – это *принцип отбора*. Величайшей догадкой Дарвина было понимание механизма естественного отбора. Иными словами, конкуренция является двигателем эволюции в природе и истории человечества.

5) Еще одно, уже выходящее за пределы эволюционизма как принципа понимания жизни природы основание сближения истины, добра и красоты – это *симпатия или эмпатия*. Эмпатическое чувство сопровождает научное творчество и техническое изобретательство. Симпатия и сострадание к другому/другим – основа этического поведения по Шопенгауэру. Моральное чувство, согласно А. Смиту, зиждется на симпатии, на способности поставить себя на место другого и радоваться радости другого больше, чем своей собственной. Эмпатия и искусство перевоплощения является основой художественного творчества (поэзии, живописи, актерского искусства).

6) Иным выражением симпатии и эмпатии является *резонанс* человека с миром, который достигается в высших формах его когнитивной, поведенческой (этической) и художественной деятельности. Слиться с миром – значит приблизиться к истине в науке, достигнуть социальной синергии, где эгоизм не отличим от альтруизма и они становятся условиями друг для друга, стать цветком, чтобы художественно изобразить душу всех цветков.

7) Возвращение к единству истины, добра и красоты означает ликвидацию картезианского разрыва между субъектом и объектом познания, когнитивным агентом и познаваемой и конструируемой им средой. Посмотреть на мир изнутри, в позиции внутреннего, встроенного в него и не отделенного от него наблюдателя – это позиция *эндифизики* [32, 33], которая может оказаться весьма плодотворной при решении рассматриваемой проблемы.

8) И, наконец, если «наполнить» эти высшие истины *телесностью*, позволить им обрести свою плоть, окунуть их в жизнь природы, природного целого, пропустить сквозь жерло философского натурализма, то они оказываются не столь уж далекими друг от друга. Для понимания истины это выше упомянутый телесно ориентированный подход (*embodied cognition*) в эпистемологии и когнитивной науке. Для уяснения и творения добра это экоперспектива и глубинная экология в социальной среде. Для создания красоты это активное и телесно воплощенное воображение (*embodied imagination*).

Путь возвращения к триединству истины, добра и красоты или его воссоздания на новой основе не предвещает быть легким, но эту дорогу осилит только идущий.

Примечания:

1. Морен Э. Метод. Природа Природы / Перев. с франц. Е.Н. Князевой. М.: Канон+, 2005.
2. Эволюция: космическая, биологическая, социальная / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Марков, А.В. Коротаев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Князева Е.Н. Эволюционное мышление в науке и философии // Философия и культура. 2013. № 11. С.1532-1542.

4. Лебедев С.А. Единство естественно-научного и социально-гуманитарного знания // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2. С. 5-10.
5. Платон. Тимей / Платон. Сочинения в 3 тт. Т.3. Ч.1. М.: Мысль, 1971.
6. Laszlo E. The Chaos Point. The World at the Crossroads. London: Piatkus, 2012.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. 2-е изд. М.: УРСС, 2011.
8. Князева Е.Н., Куркина Е.С. Мыслитель эпохи междисциплинарности // Вопросы философии. 2009, № 9. С. 116-131.
9. Куркина Е.С., Князева Е.Н. С.П. Курдюмов и его эволюционная модель динамики сложных систем // Известия высших учебных заведений «Прикладная нелинейная динамика». 2013. Т. 21. № 4. С.93-114.
10. Holland J.H. Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. Readings (MA), 1995.
11. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91-104.
12. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.
13. Thompson E. Mind in Life. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
14. Фольмер Г. Эволюционная теория познания / Перевод Е.Н. Князевой. // Эволюционная эпистемология. Антология. СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 199-200.
15. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
16. Oeser E. Psychozoikum: Evolution und Mechanismus der menschlichen Erkenntnisfähigkeit. Berlin; Hamburg, 1987.
17. Вукетич Ф. Эволюция и познание: парадигмы, перспективы, проблемы / Перевод Е.Н. Князевой. // Эволюционная эпистемология. Антология. СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 286.
18. Князева Е.Н. Понятие "Umwelt" Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С.31-44.
19. Wuketits F. Darwin und der Darwinismus. München: Verlag C.H.Beck, 2005.
20. Arnhart L. The Truth, Goodness, and Beauty of Darwinism // Zygon. 2001. Vol. 36. N 1.
21. Wuketits F.M. Was ist die Soziobiologie? München: Verlag C.H.Beck, 2002.
22. Олескин А.В. Биосоциальность одноклеточных (на материале исследования прокариот) // Журнал общей биологии. 2009. Т. 70. № 3. С. 225-238.
23. Олескин А.В. Биополитика. Курс лекций. М., 2007.
24. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издательская группа Евразия, 1997.
25. Князева Е.Н. Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука // Логос. 2009, № 3 (71). С. 173-184.
26. Князева Е.Н. Телесно-ориентированный подход в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 42-49.
27. Бергсон А. Материя и память. / Собр. Соч. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.
28. Гёте В. Соч. в 10 тт. Т. 10. М.: Художественная литература, 1980.
29. Липов А.Н. Эстетические аспекты физической картины мира. // Философия и культура. 2010. № 3.
30. Ingensiep H.W. Auf der Suche nach einer anderen Biologie // Vom Baum der Erkenntnis zum Baum des Lebens. Ganzheitliches Denken der Natur in Wissenschaft und Wirtschaft / Hrgb. von K.M. Meyer-Abich. München: Beck, 1997. S. 321-322.
31. Липов А.Н. Биологические истоки красоты // Эстетика. Вчера. Сегодня, Всегда. М.: ИФ РАН, 2008.
32. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Эндофизика и временные шкалы виртуального восприятия. // Вопросы философии. 2007. № 2. С.80-95.
33. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. М.: ЛКИ, 2008.

References:

1. Moren E. Metod. Priroda Prirody / Perev. s frants. E.N. Knyazevoi. M.: Kanon+, 2005.
2. Evolyutsiya: kosmicheskaya, biologicheskaya, sotsial'naya / Otv. red. L.E. Grinin, A.V. Markov, A.V. Korotaev. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009.
3. Knyazeva H.N. Evolyutsionnoe myshlenie v nauke i filosofii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 11. S.1532-1542.
4. Lebedev S.A. Edinstvo estestvenno-nauchnogo i sotsial'no-gumanitarnogo znaniya // Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh. 2010. № 2. S. 5-10.
5. Plato. Timaeus / Platon. Sochineniya v 3 tt. T.3. Ch.1. M.: Mysl', 1971.
6. Laszlo E. The Chaos Point. The World at the Crossroads. London: Piatkus, 2012.
7. Knyazeva H.N., Kurdyumov S.P. Sinergetika: nelineinost' vremeni i landshafty koevolyutsii. 2-e izd. M.: URSS, 2011.
8. Knyazeva H.N., Kurkina E.S. Myslitel' epokhi mezhdistsiplinarnosti // Voprosy filosofii. 2009, № 9. S. 116-131.
9. Kurkina E.S., Knyazeva H.N. S.P. Kurdyumov i ego evolyutsionnaya model' dinamiki slozhnykh sistem // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii «Prikladnaya nelineinaya dinamika». 2013. T. 21. № 4. S.93-114.
10. Holland J.H. Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. Readings (MA), 1995.
11. Knyazeva H.N. Enaktivizm: kontseptual'nyi povорот v epistemologii // Voprosy filosofii. 2013. № 10. S. 91-104.
12. Knyazeva H.N. Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014.
13. Thompson E. Mind in Life. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
14. Vollmer G. Evolyutsionnaya teoriya poznaniya / Perevod E.N. Knyazevoi. // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya. SPb., M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. S. 199-200.
15. Lorenz K. Oborotnaya storona zerkala. M., 1998.
16. Oeser E. Psychozoikum: Evolution und Mechanismus der menschlichen Erkenntnisfähigkeit. Berlin; Hamburg, 1987.
17. Wuketits F. Evolyutsiya i poznanie: paradigm, perspektivy, problemy / Perevod E.N. Knyazevoi. // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya. SPb., M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. S. 286.
18. Knyazeva H.N. Ponyatie "Umwelt" Yakoba fon Ikskyulya i ego znachimost' dlya sovremennoi epistemologii // Voprosy filosofii. 2015. № 5. S.31-44.
19. Wuketits F. Darwin und der Darwinismus. München: Verlag C.H.Beck, 2005.
20. Arnhart L. The Truth, Goodness, and Beauty of Darwinism // Zygon. 2001. Vol. 36. N 1.
21. Wuketits F.M. Was ist die Soziobiologie? München: Verlag C.H.Beck, 2002.
22. Oleskin A.V. Biosotsial'nost' odnokletochnykh (na materiale issledovaniya prokariot) // Zhurnal obshchei biologii. 2009. T. 70. № 3. S. 225-238.
23. Oleskin A.V. Biopolitika. Kurs lektsii. M., 2007.
24. Maslow A.G. Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki. SPb.: Izdatel'skaya gruppа Evraziya, 1997.
25. Knyazeva H.N. Problema vospriyatiya: A. Bergson i sovremennaya kognitivnaya nauka // Logos. 2009, № 3 (71). S. 173-184.
26. Knyazeva H.N. Telesno-orientirovannyi podkhod v epistemologii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2010. № 1. S.42-49.
27. Bergson A. Materiya i pamyat'. / Sobr. Soch. T. 1. M.: Moskovskii klub, 1992.
28. Goethe W. Soch. v 10 tt. T. 10. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1980.
29. Lipov A.N. Esteticheskie aspekty fizicheskoi kartiny mira. // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 3.
30. Ingensiep H.W. Auf der Suche nach einer anderen Biologie // Vom Baum der Erkenntnis zum Baum des Lebens. Ganzheitliches Denken der Natur in Wissenschaft und Wirtschaft / Hrsg. von K.M. Meyer-Abich. München: Beck, 1997. S. 321-322.
31. Lipov A.N. Biologicheskie istoki krasoty // Estetika. Vchera. Segodnya, Vsegda. M.: IF RAN, 2008.

32. Alyushin A.L., Knyazeva H.N. Endofizika i vremennye shkaly virtual'nogo vospriyatiya. // Voprosy filosofii. 2007. № 2. S.80-95.
33. Alyushin A.L., Knyazeva H.N. Tempomiry: Skorost' vospriyatiya i shkaly vremeni. M.: LKI, 2008.

UDC 122/129

**Триединство истины, добра и красоты в ракурсе
современного эволюционного холизма***

Елена Николаевна Князева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
Email: helena_knyazeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается древняя философская проблема синтеза высших ценностей человеческой деятельности и познания – истины, добра и красоты, которая философами классического периода античной философии формулировалась как проблема калокагатии. В качестве современного подхода для ее решения используются идеи универсального эволюционизма и развиваемого на его основе эволюционного холизма. Привлекаются данные современных биологических наук и перспективных областей научных исследований биоэпистемологии, социобиологии и биоэстетики. Обсуждаются современные аргументы в пользу триединства, а также трудности, лежащие на этом пути.

Ключевые слова: биоэпистемология, биоэстетика, истина, добро, красота, калокагатия, междисциплинарный синтез знания, социобиология, философский натурализм, эволюционное мышление, эволюционный холизм.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00816 «Эволюционное мышление как основание междисциплинарного синтеза знания»).